

Отарова Лейля Илиясовна

К ПРОГРАММЕ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТА "СОВЕСТЬ"

В статье исследуется концепт "совесть", т.е. единица социально-культурного смысла, для которой необходимо определить её средства языковой репрезентации и её корреляты в явлениях жизни. Описывается история слова и концепта conscientia ("совесть") от христианской античности до современности. Отдельное внимание уделено немецкому слову Gewissen в истории и его вариациям в немецкой философии. "Совесть" определяется как общий концепт христианской Европы, он сопоставляется с языковым выражением "ситуации совести" в карачаево-балкарском языке.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/6-2/39.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 150-153. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.112.2'1

Филологические науки

В статье исследуется концепт «совесть», т.е. единица социально-культурного смысла, для которой необходимо определить её средства языковой репрезентации и её корреляты в явлениях жизни. Описывается история слова и концепта *conscientia* («совесть») от христианской античности до современности. Отдельное внимание уделено немецкому слову *Gewissen* в истории и его вариациям в немецкой философии. «Совесть» определяется как общий концепт христианской Европы, он сопоставляется с языковым выражением «ситуации совести» в карачаево-балкарском языке.

Ключевые слова и фразы: концепт; феномен; совесть; этика; сознание; мораль.

Отарова Лейля Илиясовна

Пятигорский государственный лингвистический университет
leila07_87@mail.ru

К ПРОГРАММЕ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТА «СОВЕСТЬ»[©]

Человек в жизни руководствуется определёнными моральными принципами, законами, в соответствии с которыми он поступает в той или иной жизненной ситуации. Человек стремится следовать этим моральным, неписанным законам, порой даже вопреки своим желаниям. Ситуации этого рода следует обсуждать как **ситуации совести**. Их начал обсуждать ещё Пьер Абеляр. Он рассматривал феномен совести (*conscientia*) на примере человека, одновременно ответственного перед своей семьей и перед своим государством, когда он должен выбрать одно из двух служений, вынужденно отказавшись от другого.

Лингвокультурологический анализ концепта «совесть» в различных языковых картинах мира предполагает установление внутренней формы слова «совесть» в разных языках на основе их лексикографического анализа. Обычно в когнитивной лингвистике концепт связывается с национальной картиной мира, но отнюдь не очевидно, что есть, например, национальный немецкий концепт «*Gewissen*», отличный от русского концепта «совесть». Эта проблема исследуется во многих работах, например, «Алгебра совести» [4], «The social psychology of conscience» [12], «Das Gewissen» [18] и др. Видимо, единственным систематическим исследованием слова и концепта «совесть» остаётся работа Мартина Келера [13]. Специальный интерес автора настоящей статьи также принадлежит немецкому слову, как выразителю этого межъязыкового концепта.

Во многих европейских языках «совесть» формируется на основе христианской картины мира и образовано по модели латинского слова *con-scientia* и греческого *συν-ἔιδησις*: русское *со-весть*, немецкое *Gewissen*, французское и английское *con-science*, итальянское *co-scienza*, испанское *con-ciencia*. Все эти слова состоят из приставок, означающих совместность, и корня «знание». Таким образом, можно предположить, что *совесть* означает «совместное знание». Специфика совести состоит в том, что это есть осознание или весть об эмоциональной ценности представлений, имеющихся у нас по поводу мотивов наших действий.

Впервые слово *συνείδησις* в значении «совесть» встречается в христианском Новом Завете, в посланиях апостола Павла, и латинское *conscientia*, и немецкое *Gewissen* и т.д. являются переводным заимствованием от греческого *συνείδησις*: *Sie beweisen damit, daß in ihr Herz geschrieben ist, was das Gesetz fordert, zumal ihr Gewissen es ihnen bezeugt...* – они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть... [8, S. 181]. Апостол Павел рекомендует римлянам послушание властям не только из страха, что их накажут, но и «совести ради». Он признает семантический объём «совести», причём подразумевает под совестью не только явления религиозной жизни, но также ставит её в связь с практическими целями нравственности. В Евангелиях она встречается только один раз в восьмой главе Евангелия от Иоанна: «Они же услышав то и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних; и остался один Иисус и женщина стоящая среди» [3, с. 1039]. Тут говорится о блуднице, которую привели к Иисусу, чтобы он осудил её. Таким образом, начальный источник концепта «совесть» является, видимо, религиозным.

Греческое *συνείδησις* изначально многозначно и имеет два основных значения: «совесть» и «сознание». Этот термин использовался им в специфическом нравственном смысле как сознание совершенного поступка (обычно плохого) и был тесно связан с *долгом* и *стыдом*. Человек может сам выбирать между добром и злом, но привычки человека и полученное им воспитание оказывают свое влияние. Концепт «совесть» в греческом оригинале может получать различные коннотации путем постановки определений. По аналогии с ним в русской Библии мы находим следующие определения: *добрая совесть, худая совесть; чистая совесть; оскверненная совесть* [3].

Немецкое слово *Gewissen* в этическом смысле впервые стал употреблять М. Лютер [9, S. 123], это была очевидная калька с греко-латинского *συνείδησις, conscientia*. В связи с латинским *conscientia* Р. Ойкен говорит об Абеляре, что он, вероятно, был первым, кто кажущиеся различия в интенции анализировал как различия в выражении, и там же добавляет: «Hochverdient um die Begriffe von *Gewissen* und *Intention*» [Ibidem, S. 65].

Если выразить современным языком когнитивной лингвистики это суждение Р. Ойкена, то получается, что он брал духовный смысл вместе с формой его репрезентации в языке, т.е. фактически обсуждал концепты в нашем современном понимании, в том числе концепт «совесть» в форме *conscientia*.

Переход «*Gewissen*» в религиозно-этическую область повлёк за собой изменение значения. Немецкий префикс *ge-* изначально подчёркивал завершенность действия. Первое значение префикса определило ход развития

понятия: «восприятие» трансформировалось в «законченное знание». Это наиболее широкое и общее значение в дальнейшем сужается: из поля зрения убираются поступки других людей, внимание фокусируется на собственных действиях. «Восприятие» занимает «активную позицию» по отношению к познающему субъекту, приобретает оценочный компонент. От исходного значения этическое понятие «совесть» отличается как рефлексивным характером и фокусировкой на субъекте, так и оценкой, сформировавшейся на основе восприятия.

Согласно немецкому этимологическому словарю Ф. Клуге, латинское *conscientia* первоначально употреблялось в судебной риторике, обозначало состояние признания вины и лишь позже вошло в христианскую терминологию, а с ней и в европейские языки. Греческое *συνείδησις* впервые зафиксировано в Новом Завете и является христианским термином, подразумевающим «знание, совместное с Богом» [15, S. 289].

В словаре *Duden Universalwörterbuch* приводится следующая информация о слове *Gewissen*:

«*Gewissen* – [mhd. *gewizzen(e)*, ahd. *gewizzen* = (inneres) Bewusstsein, LÜ von lat. *conscientia*, eigtl. = Mitwissen; LÜ von griech. *syneidesis*]: *Bewusstsein von Gut und Böse des eigenen Tuns; Bewusstsein der Verpflichtung einer bestimmten Instanz gegenüber*: das menschliche Gewissen; sein ärztliches Gewissen lässt das nicht zu; dabei regte sich sein Gewissen» [7, S. 608]. (Сокращение *LÜ* в этом случае означает *Lehnübersetzung*, заимствование-перевод; *mhd* – *Mittelhochdeutsch* (средневерхненемецкий); *ahd* – *Althochdeutsch* (древневерхненемецкий)).

В других немецких словарях мы находим множество определений для слова *Gewissen*, и перевод выражений с этим словом на другие языки зачастую является проблематичным. Так, в словаре Паффена [16, S. 472-473] мы находим следующие выражения с концептом «*Gewissen*»:

1. *Ich habe ein gutes Gewissen* (Совесть у меня спокойная);
Was hast du auf dem Gewissen? (Что ты имеешь на совести?);
Sie hat ihn auf dem Gewissen (Она виновата перед ним).

Из этого и других подобных переводов в двуязычных словарях можно сделать вывод, что выражения со словами «совесть» и «вина» в каких-то контекстах взаимозаменяемы, могут иметь один и тот же ситуационный смысл. Когда мы виноваты, нас мучает совесть.

2. *Mit gutem Gewissen kann ich sagen* (Скажу по совести).

В данном случае видно, как было сказано выше, что *Gewissen* может сопровождаться такими словами, как *gut* (а также *ruhig*, *rein* и т.п.), т.е. *совесть* может быть *чистой*, *спокойной*, *доброй* и т.д.

3. *Ich handle nach bestem Wissen und Gewissen* (Я поступаю честно и добросовестно).

Здесь названо интересное немецкое словосочетание *Wissen und Gewissen*. Тут «знание» и «со-знание» идут рядом и переводятся как *честь и совесть*, т.е., помимо «вины», «совесть» имеет еще и другие синонимы.

В словаре синонимов под редакцией Гёрнера и Кемпке [10, S. 279] к слову *Gewissen* дается ряд синонимов, таких, например, как:

- *das bessere Ich, innere Stimme*
- *schlechtes Gewissen = Gewissensbisse; ohne Gewissen = gewissenlos; böses Gewissen = Reue; ins Gewissen reden = ermahnen.*

Если слово *Reue* может быть «синонимом» слова *Gewissen*, то получается, что осознание за собой вины, осознание того, что наш поступок был неправильным, тоже является проявлением совести.

Выше уже было сказано, что слово *Gewissen* часто имеет при себе такие проводители, как *gut*, *böse*, *schlecht* и т.д. В словаре «*Wörter und Wendungen*» под редакцией Э. Агриколы дается большое количество таких проводителей для слова *Gewissen*. Например: *das künstlerische, politische, ärztliche, menschliche Gewissen; ein gutes, reines, ruhiges, böses, schlechtes Gewissen haben* (ohne allzu große [sittliche] Bedenken sein); *ein enges Gewissen haben* ([sittlich] sehr streng denken) / *совесть* человеческая, врачебная, политическая и *совесть* представителей искусства; иметь добрую, чистую, спокойную, злую, плохую *совесть* (без больших [моральных] проблем); иметь тесную *совесть* ([нравственно] очень строго думать). Здесь же мы встречаем сочетание, о котором шла речь выше – *Wissen und Gewissen*, – а также находим сочетание *Recht und Gewissen* (*gegen Recht und Gewissen handeln*) / *право и совесть* (поступать против права и совести) [6, S. 240-241].

Помимо упомянутых выше языков нами был поставлен вопрос о концепте «совесть» в карачаево-балкарском языке, в котором «совесть» выражается словом *намыс*. В современном балкарском языке слово *намыс* остается моносемантом и едва ли ему можно приписать разные значения «честь», «достоинство», «совесть» и т.д. Оно может быть включено в следующий синонимический ряд: *намыс, бет, уят, уят-хаят* (*бет* «лицо → совесть», *намыс* «честь → совесть», *уят* «стыд → совесть») [2]. Иначе говоря, разные слова со значением «совесть» не образуются по той модели, по которой образовано европейское понятие «совесть» (*Ge-wissen, con-scientia* и *συνείδησις*). Таким образом, лексемы «стыд» (*уят*), «честь» (*намыс*) и «лицо» (*бет*) в балкарской языковой картине являются репрезентантами концепта «совесть» в той мере, в какой они реализуют это значение в ситуациях совести. Если сравнить все балкарские выражения для концепта «совесть» в балкарском языке, можно увидеть, что каждый из них имеет определенную стилистическую окраску и особенности употребления. Например, слово *намыс* мы можем употреблять относительно старших, пожилых людей. В большинстве случаев оно употребляется только с положительным оттенком и указывает на воспитанность человека, его нравственность, нормы поведения и порядочность. Очень часто слово *намыс* употребляется в значении «уважение», «почитание». *Намыс болмагъан жерде, берекет болмаз* (посл. «Где нет нравственности, там нет взаимоуважения») [Там же].

Таким образом, мы можем утверждать, что понятие «совесть» в балкарском языке выражается посредством метафор и переносов значения. Но то, что в балкарском языке нет точного эквивалента слову «совесть», не говорит о том, что этот народ «не знает совести». В русском языке и во многих европейских языках слова со значением «стыд» и «честь» часто встречаются как проводители слова и понятия «совесть»; в русском языке, например, фразеологическое сочетание «*Ни стыда, ни совести*», *честь и совесть*.

В связи с этими данными следует дифференцировать слово «совесть» в лексике, концепт «совесть» в языковой картине мира и ситуации совести в социальной жизни народа, а также возможности их межъязыкового и межкультурного отождествления. Вопрос о действительности совести обсуждается давно, но едва ли можно сказать, что наука пришла к какому-либо заключению. Проблема заключается в том, что слову «совесть» трудно приписать денотат. Оно обозначает концепт, и вопрос о синонимах этого слова не решается с указанием на обозначаемую действительность. А из этого вытекает дополнительная задача исследования: выяснение различий в интерпретации этого концепта в языке философов, пишущих на одном языке, и особенный интерес представляет здесь язык немецкой философии.

Обыденное употребление слова «совесть» и его аналогов в разных языках отличается не сильно. Слова со значением «совесть» в обыденной речи во всех европейских языках близки. И в карачаево-балкарском языке, который стоит далеко от христианской культуры, как и во всех рассматриваемых нами языках, бытуют выражения со значениями «угрызения совести», «чистая совесть», «нечистая совесть».

Приняв за идею, что нет специфически русского концепта «совесть» и специфически немецкого концепта «*Gewissen*» и т.д., мы не должны поспешно заключать, что достаточно описать содержание межъязыкового концепта. В пространстве одного и того же национального языка, например, немецкого, можно проследить смысловое варьирование этого общего концепта в разных системах мышления. Программа такого исследования на материале немецкого языка должна включать, как нам представляется [5, с. 54], герменевтическую аналитику контекстов слова *Gewissen* у ряда известных философов: у И. Канта в «*Kritik der praktischen Vernunft*» и «*Metaphysische Anfangsgründe zur Tugendlehre*», у Г. В. Ф. Гегеля в «*Phänomenologie des Geistes*» и «*Grundlinien der Philosophie des Rechts*», у Ф. Ницше в «*Genealogie der Moral*» и «*Also sprach Zarathustra*», у М. Хайдеггера в «*Sein und Zeit*». К этому следует добавить интертекстуальный анализ реакции А. Шопенгауэра на концепцию И. Канта в «*Über die Grundlage der Moral*», Л. Фейербаха на концепцию Г. В. Ф. Гегеля в «*Das Wesen des Christentums*» и протестантского философа Э. Фукса в его «*Hermeneutik*» на концепцию М. Хайдеггера. По мнению Л. И. Отаровой, даже поверхностный обзор соответствующих фрагментов в нашем материале показывает, что глобально значимый концепт выступает порождающей основой для конструкций смысла в рамках отдельно взятого языка, хотя между языками на уровне расхожих употреблений слова «совесть» значимых различий может не быть [Там же].

Различие обнаруживается не в языках, а у людей, которые начинают высказываться по этому поводу, между философами в рамках одного национального языка. Например, М. Хайдеггер противопоставляет свое понятие совести принятому другими понятию, настаивая на независимости своего понятия от психологии и религии [11], а И. Кант связывает совесть (*Gewissen*) с понятием долга (*Pflicht*), и эту связь следует интерпретировать в контексте его понятия «категорического императива» [14].

Концепт «совесть» может с особым вниманием к внутренней форме слова связываться с концептом «сознание» и «знание», как в большинстве формулировок Г. В. Ф. Гегеля [1], или не зависеть от них, как у И. Канта.

«Совесть» (*Gewissen*) может рассматриваться в органической связи с концептом «долг» (*Pflicht*), как у И. Канта, или с диалектическим снятием этой связи, как у Г. В. Ф. Гегеля (где отождествление совести с долгом интерпретируется как лицемерие, *Heuchelei*).

Концепт «совесть» обсуждается в психологической манере (Шопенгауэр), социально-этической (И. Кант) или герменевтико-феноменологической (М. Хайдеггер).

Для И. Канта нравственное начало сводится к субъективному сознанию долга. Долг есть чистый долг, исполнять его следует единственно из уважения к нему. Обосновывая это требование, И. Кант апеллирует к совести. Но у И. Канта, как это видно в «Критике чистого разума», совесть как раз и появляется там, где голос разума умолкает, где мышление не справляется с познавательными проблемами [14, S. 544-550]. Так что совесть у И. Канта уже в своем появлении по необходимости оказывается субъективной, хотя его «категорический императив» не субъективен. Критики же И. Канта, в том числе Г. В. Ф. Гегель и А. Шопенгауэр, не оспаривали субъективный характер совести.

Помимо сказанного выше, мы также видим, что у каждого из вышеупомянутых философов встречаются словообразования, которые отличительны только для них. Например, в работах М. Хайдеггера мы встречаем понятие *Gewissen-haben-wollen*, «томление по совести» [11, S. 269]. Его также можно определить как «зов совести» (у М. Хайдеггера *Ruf des Gewissens*), так как совесть не может быть выбрана произвольно.

Рассмотрев «совесть» в языке нескольких известных немецких философов, можно прийти к выводу, что в немецком философском мышлении совесть имела особое значение. При этом философы, работы которых мы рассматриваем, понимают совесть, как это вытекает из вышесказанного, по-разному.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
2. Гочияева С. А., Суюнчев Х. И. Карачаево-балкарско-русский словарь: около 30000 слов / Карачаево-чаркесский н.и. ин-т филол. и экономики; под ред. Э. Р. Тенишева и И. Х. Суюнчева. М.: Рус. Яз., 1989. 832 с.
3. Евангелие от Иоанна. Библия // Книги священного писания Нового и Ветхого Заветов. М.: Изд. Миссионерского общества «Новая жизнь – Советский Союз»; СССР, 1991. 1220 с.
4. Лефевр В. А. Алгебра совести. М.: Изд. КОГИТО-ЦЕНТР, 2003. 426 с.
5. Отарова Л. И. Проблематичный концепт «совесть» // Университетские чтения-2011. Пятигорск: Изд. ПГЛУ, 2011. Ч. IV. С. 50-55.

6. **Agricola E.** Wörter und Wendungen // Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Leipzig: VEB bibliographisches Institut, 1968. S. 240-241.
7. **Deutsches Universalwörterbuch** / hrsg. u. bearb. vom Wiss. Rat u. D. Dudenred. unter Leitung von Günther Drosdowski. Mannheim – Wien – Zürich: Bibliographisches Institut, 1988. 1816 S.
8. **Die Bibel** (nach der Übersetzung Martin Luthers) // Lutherbibel Standardausgabe, deutsche Bibelgesellschaft Stuttgart, 1985. 1292 S.
9. **Eucken R.** Geschichte der philosophischen Terminologie. Im Umriß dargestellt. Unveränderter Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1879. Hildesheim: Georg Olms, 1960. 226 S.
10. **Görner Z., Kempe G.** Synonymwörterbuch. Sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache. Wiesbaden: Drei Lilien Verlag, 1987. 643 S.
11. **Heidegger M.** Sein und Zeit, 14 Auflage. Tübingen: Max Niemeyer, 1993. 445 S.
12. **Hitlin S.** Moral selves, evil selves. The social psychology of conscience / first edition, USA, 2008. 269 S.
13. **Kant I.** Kritik der praktischen Vernunft // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. М.: Московский философский фонд, 1997. Т. III. 736 S.
14. **Kähler M.** Das Gewissen. Die Entwicklung seiner Namen und seines Begriffes: geschichtliche Untersuchung. Halle: Julius Fricke, 1878. 338 S.
15. **Kluge F.** Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin – N. Y.: Walter de Gruyter, 1995. 905 S.
16. **Paffen K. A.** Deutsch – Russisches Satzlexikon. Leipzig: VOB Verlag Enzyklopädie, 1969. Band II.
17. **Schopengauer A.** Über die Grundlage der Moral. Herrsching: Manfred Pawlak, 1977. 189 S.
18. **Stoker H. G.** Das Gewissen: Erscheinungsformen und Theorien. Bonn: Cohen, 1925. 280 S.

ON PROGRAMME OF COMPLEX RESEARCH OF CONCEPT “CONSCIENCE”

Otarova Leilya Iliyosovna

Pyatigorsk State Linguistic University

leila07_87@mail.ru

The author researches the concept “conscience”, i.e. the unit of social-cultural meaning, for which it is necessary to determine the means of its linguistic representation and its correlation in the phenomena of life, describes the history of the word and concept *conscientia* (“conscience”) from Christian antiquity till the present days, pays special attention to the German word *Gewissen* in history and its variations in German philosophy, defines “conscience” as the general concept of Christian Europe, and compares it with language expression “the situation of conscience” in the Karachai-Balkar language.

Key words and phrases: concept; phenomenon; conscience; ethics; conscience; morality.

УДК 8.411.2-7

Филологические науки

В статье представлен новый взгляд на литературные и биографические источники образной системы стихотворения Е. А. Баратынского «Недоносок», а также воссоздается история бытования «прозаизма» «недоносок» в русской поэзии XIX-XX вв. на материале лирических произведений А. С. Пушкина, П. А. Вяземского и Н. А. Заболоцкого. Лексема «недоносок» анализируется с точки зрения богатого ассоциативного потенциала и интертекстуального «ореола», формирующих индивидуально-авторскую картину мира.

Ключевые слова и фразы: лексема «недоносок»; русская поэтическая традиция; «прозаизм»; поэтическая лексика; аллюзия; реминисценция.

Патроева Наталья Викторовна, д. филол. н.

Петрозаводский государственный университет

nvpatr@list.ru

СТИХОТВОРЕНИЕ Е. А. БАРАТЫНСКОГО «НЕДОНОСОК» И РУССКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ[©]

*Исследование выполнено в рамках реализации комплекса мероприятий
«Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012-2016 гг.».*

Из всех поэтов, появившихся вместе с Пушкиным, первое место, бесспорно, принадлежит г. Баратынскому.

В. Г. Белинский [4, с. 479]

Стихотворение Е. А. Баратынского «Недоносок», написанное и напечатанное в 1835 году, а позже вошедшее в известный философско-поэтический цикл «Сумерки» (1842 г.), принадлежит к числу самых загадочных в русской лирике «золотого века»: